

Ехать к отцу пришлось через весь город. Потом минут пятнадцать ошалелым зайчиком петлять в лабиринте многоэтажек и детских площадок. Августовские вечера остывают быстро, а Яна совсем не подумала об этом, когда уходила из дома в одной футболке и коротких джинсовых шортах. Теперь её потрясывало от холода и немного от страха. Высокий светло-русый хвост тревожно покачивался в такт торопливым шагам: только что она прошла мимо группы парней, с гоголом бросивших ей в след несколько пошлых «комплиментов». Яне было уже почти четырнадцать, и противоположный пол стал активно обращать на неё внимание, однако, внимание это не всегда было приятным.

Дом, в котором жил отец со своей новой семьёй, окружала высокая железная ограда. Вдохнув и выдохнув, чтобы хоть чуточку успокоиться, Яна набрала номер квартиры на домофоне. В динамике забулькали гудки, и она с надеждой взмолилась: «Пожалуйста, пусть папа ответит, а не Юля!»

Она уже ничего не имела против Юли, смирилась с её существованием, но всё равно, лучше бы отец.

– Кто? – спросил мужской голос.

– Пап, это я.

– Яна?

Её неожиданный поздний визит напугал отца. Он даже спустился на целый пролёт ей навстречу:

– Что случилось?

Девочка бросилась в протянутые руки и уткнулась носом в плечо:

– Не могу больше жить дома! Можно я буду жить с тобой?

Плечо отца, такое твёрдое и такое надёжное, вдруг растеряно размякло.

– Пойдём, расскажешь, что у вас там стряслось.

Он провёл Яну на кухню, усадил за стол. Его глаза, обычно весёлые, с озорной хитринкой, в которые Яна так любила смотреть, обеспокоенно потемнели.

– Поссорились с мамой?

– Да.

– Причина?

– Пап... я живу с ней, как в тюрьме! Она как надзиратель. Мне ничего нельзя! Шаг влево, шаг вправо – расстрел. Гулять вечером нельзя. В интернете полазить нельзя. Пирсинг нельзя. Джинсы рваные нельзя. Юбки короткие нельзя. Волосы даже тоником покрасить нельзя! Сама как серая мышь и хочет, чтобы я такой же стала!

Яна была уверена, что отец поймёт её. Всегда понимал. Но он вдруг выдал:

– Не надо так говорить о маме. Она вовсе не серая мышь. Просто у неё свои представления о том, что хорошо и что плохо. И она хочет оградить тебя от того, что плохо.

Щёки у Яны налились обидой:

– А у меня другие представления, папа! Мы с ней совсем разные! Я сказала ей об этом, а она мне: «Можешь идти и жить с твоим распрекрасным папой!» Ну, я и ушла.

На самом деле, расписывая свою несладкую жизнь под материнским гнётом, Яна преувеличивала, но чуть-чуть, так, чтобы сказанное всё же оставалось правдой.

Гулять ей разрешалось до половины девятого. Часто она возвращалась даже раньше отведённого времени, потому что гуляла только с лучшей подругой Кариной, а той периодически нужно было забирать племянника из садика где-то в соседнем округе. Другие знакомые девчонки и мальчишки Яну бесили. Не бесил только Денис из третьего подъезда. Не бесил настолько, что, когда он выходил во двор, Яна готова была терпеть общество всех «бесячих» людей на свете, лишь бы побыть от него неподалёку и подышать с ним одним воздухом. Вот в такие дни она по-настоящему страдала от установленного матерью комендантского часа.

На интернет особых ограничений не было, Яна могла зависать в «ВК» или на «Ютубе» вечера напролёт, пока мама была занята своей школьной работой. О том, что нужно прогнать дочь от экрана, «а то у неё отупеют мозги», она вспоминала не так уж и часто, но как будто нарочно в самые неподходящие моменты.

А ещё Яна питала слабость к джинсовым вещам. У неё была их целая

коллекция, начиная от комбинезона и заканчивая кедами и сумочкой. Только рваных джинсов не было, потому что мама относилась к разряду человеческих глупостей. Как пирсинг и синие волосы, которые, кстати, и стали причиной раздора.

За ужином Яна, набравшись смелости, сказала:

– Мам, я хочу синие волосы.

Синие волосы она увидела у одной видеоблогерши и сразу захотела себе такие же, подумала, что они будут круто сочетаться с джинсовыми вещами. А сколько прикольных фоток можно будет сделать!

Мама только отмахнулась:

– Что дурно, то потешно!

– Это не потешно, – возразила Яна. – Это сейчас модно.

Маму она знала хорошо и к борьбе за воплощение своего желания в жизнь подготовилась.

– Мам, а можно я покрашусь тоником? Он смывается через две недели.

– Яна! – поморщилась мама.

– Я никуда не буду выходить из дома, пока он не смывается, и меня никто даже не увидит! – хитрила дочь. – Ну пожалуйста!

«Нет!» – сверкнули мамины очки.

– Ну почему?

– Потому что дочь завуча должна быть эталоном, а не посмешищем!

Напоминание о том, что она дочь завуча и это обязывает её чему-то там соответствовать, разозлило Яну. Она вспыхнула:

– А папа бы разрешил!

– Конечно, – язвительно поддакнула мама. – Он бы тебе всё разрешил. Легко разрешать, когда видишь ребёнка только два раза в месяц!

Яне стало обидно за отца:

– Он разрешил бы, потому что понимает меня! И знаешь... – она споткнулась, осознавая, что дальше говорить не стоит, но поздно, острые копыта слов уже летели матери в лицо. – Я понимаю, почему он ушёл от тебя! Тошнит от твоей правильности!

– Он ушёл и от тебя тоже, – поучительно сдержанно, как правило ученику-тугодуму, пояснила мать. – У него появилась любовница, и мы с тобой стали ему не нужны.

– Неправда!

– Так почему же тогда он не позвал тебя с собой? Почему ты живёшь со мной,

такой плохой, а не с ним, таким прекрасным?

Яна подскочила, с грохотом отодвинув стул, спросила у самой себя с деланным недоумением:

– А правда, почему? – и кинулась в комнату за рюкзаком и телефоном.

– Ты куда? – насторожилась мать.

– К папе! – хлопнула Яна дверью.

И вот папа сидел напротив с озабоченным видом.

– Надо позвонить маме. Она, наверное, волнуется.

– Не буду я ей звонить, – буркнула Яна.

– Хорошо, я сам.

На кухонном пороге бесшумно появилась Юля. У Юли была удивительная способность всегда выглядеть мило, даже в домашних шортах и майке, с волосами, небрежно собранными в шишку на макушке, как сейчас. Эта особенность восхищала Яну и в то же время злила.

– Потихе, пожалуйста, Матвей уснул, – попросила она и приветливо улыбнулась. – Яна? А я-то думаю, кто к нам пожаловал?

«Не могла ты тоже уснуть со своим Матвеем!» – раздражённо подумала Яна. При ней разве нормально поговоришь?

Юля с укором посмотрела на отца:

– Слава, ну ты даешь! Даже чайник не поставил! – и тут же принялась украшать стол вазочками с печеньем, конфетами, фруктами.

– Юль... – мягко и чуть виновато вмешался в её хлопоты отец. – Яна поживёт пока с нами, хорошо?

– Конечно! – легко согласилась Юля, не задумавшись даже на долю секунды. – Давно пора пожить с нами!

Яна отказывалась верить ушам: эта чужая женщина искренне рада ей, а родной отец, кажется, не так уж и рад. Вместо того, чтобы поставить свою новую жену перед фактом «Моя дочь будет жить здесь, и точка!», он спрашивает у неё разрешения! Такого она никак не ожидала. Ей захотелось броситься прочь отсюда, всё равно куда, лишь бы подальше, но удержало воспоминание о незнакомых парнях и их слюнявых шуточках.

«Проснусь утром и сразу уйду!» – решила Яна.

Спать её уложили на диван в зале. Она кое-как пристроила голову на непривычном желе подушки, накрылась непривычной коркой пустого

пододеяльника. Всё здесь было для неё непривычным: часы не тикали, а скрипели, холодильник за стеной гудел, как паровоз. Но самое непривычное – отец. Раньше это был папа-праздник, папа-волшебник: рядом с ним все проблемы решались сами собой, разбегались по сторонам, как букашки, стоило только ему взглянуть на них своими зелёными, с весёлой хитринкой глазами. Яна безгранично верила ему и в него, и эта вера, похожая на мегалитическое каменное сооружение, сегодня треснула и пошатнулась.

«Легко быть папой-праздником, когда видишь ребёнка два раза в месяц», – подумалось маминими словами и стало так невыносимо горько, что захотелось просто взять и исчезнуть из этого дурацкого мира.

В памяти, как будто специально, чтобы стало ещё горше, вспыхивали счастливые мгновения прогулок в парке. В хорошую погоду они всегда гуляли там, ходили по дорожкам обнявшись – отец и дочь. Яна торопилась рассказать ему обо всём, что с ней произошло, пока они не виделись. Он слушал, переспрашивал, шутил над тупыми одноклассниками, вредными учителями и даже над Денисом из третьего подъезда. Говорил, что тому нужно проверить зрение, раз он не видит, какая красивая девочка живёт с ним в одном доме.

Сначала знакомиться с новой папиной женой Яна не собиралась. Так было легче: вроде есть у отца какая-то Юлия, а вроде и нет, как будто это просто чья-то выдумка, в которую можно не верить, пока не увидишь собственными глазами. Но однажды отец пригласил Яну на день рождения. Сказал, что если она придёт, то это будет для него самым лучшим подарком. Яна почему-то сразу представила, как отец, грустный и потерянный, сидит за праздничным столом один с чужой женщиной, тоскливо смотрит на дверь, и решила, что должна пойти.

Она думала, что будет ненавидеть Юлю всей душой. Уже заранее приготовилась к этому. Но там, на дне рождения, с удивлением обнаружила, что ненависти нет. Юлия словно загипнотизировала её своими тёплыми золотистыми глазами. На ней было красивое малиновое платье, по-девчоночьи кокетливое, и Яна поняла, почему отец выбрал её. Мама уступала этой Юле во всём: во внешности, в характере, в манере одеваться. Всегда серьёзная, всегда до

тошноты правильная, с неизменным скучным каре, что на работу, что на праздники – в одной и той же строгой одежде, она никогда не выходила из роли учителя. А жить с учителем, который постоянно тебя «дрессирует» и пытается чему-то учить, тяжело. Вот папа и вырвался.

А теперь вырвалась и она. Только не понятно куда.

Ночью Яне приснилось, что она заблудилась. Приехала к отцу, и не может найти дом, где он живёт. Со всех сторон обступили её мрачные, незнакомые дворы. Ей страшно: она знает, что где-то здесь бродит шайка парней – любителей позубоскалить. Страх стягивает её, словно ремнями, она уже не хочет искать дом отца, она хочет вернуться назад, но и остановку не может найти. Куда идти? Где выход? Что с ней теперь будет?

Проснувшись, Яна увидела вокруг себя чужие бледно-голубые стены и ещё острее, чем вчера, пожалела, что пришла сюда. Сейчас проснулась бы в своей комнате с цветущей сакурой на обоях, и можно было бы валяться хоть до обеда, мечтая о Денисе или переписываясь с подружкой в «ВК». А теперь и телефон в руки брать не хочется: наверняка там от мамы куча сообщений.

При мысли о маме на смену сожалению пришло тяжёлое, давящее, но всё же торжество. Нет, решила Яна, она правильно поступила. Может, мама поймёт наконец, что её дочь не только дочь завуча, а ещё и человек, который имеет право самовыражаться так, как ему хочется.

Утреннюю тишину всколыхнул топот детских ножек.

Брат.

Яна испытывала сложные чувства по отношению к этому существу, появившемуся в её жизни полтора года назад. Он то бесил её, и хотелось, чтобы его вообще не было, то вдруг откуда ни возьмись проклёвывалась в душе тёплая сестринская нежность.

– Няня? – спросил брат, заглядывая в зал. Увидев, что она не спит, бесцеремонно забрался на диван и сунул ей в лицо игрушечную полицейскую машинку.

– Где папа? – посмотрела в его ясные глаза Яна. Папа и Юлия уверяли, что у неё и брата одинаковые глаза. Она не находила ничего одинакового, сколько ни присматривалась.

На своём детском языке братишка ответил, что папа на работе.

Яна помнила о вчерашнем решении уйти сразу, как проснётся. Хорошо, что отец уже на работе, не придётся ничего никому объяснять.

Однако сразу уйти не получилось. Юля попросила посидеть с Матвеем:

– Посмотришь за ним, ладно? Я съезжу к подруге на маникюр. Сто лет уже маникюр не делала. Посмотри, какие у меня ужасные ногти! – и сунула ей под нос растопыренные пальцы, демонстрируя доказательство своим словам.

Яна никогда раньше не оставалась водиться с братом.

– А если он расплатится?

– Так-то он спокойный, – заверила Юля, – не должен. Ну если что, мультики ему включишь. В холодильнике в маленькой кастрюле кашка его, если есть попросит. Или ещё можно мороженое дать, только растопить сначала. Я быстро!

Спокойствие Матвея закончилось намного раньше, чем Юлино «быстро». Каша и мороженое были им капризно отвергнуты, мультики не вызвали интереса. Он хныкал, лепетал что-то и сердился на Яну за то, что она его не понимает.

– Ну что тебе надо-то?! – не выдержала Яна. – Если не замолчишь, сейчас вообще уйду и будешь один сидеть!

Братишка разревелся в голос, пуская слюни и сопли.

Преодолевая брезгливость, Яна подхватила его на руки, принялась трясти и уговаривать. Он закатывался в истерике долго и упорно, пока она каким-то непонятным чутьём не догадалась дать ему воды. Он вцепился ручонками в поильник, высосал воду и только после этого начал успокаиваться, обессиленно и как будто прощая Яну, положил горячую голову ей на плечо. Выяснилось, что он тяжёлый. Руки у неё онемели, но отпустить от себя брата было страшно, страшно было даже сесть, как бы не началось всё с начала. И Яна ходила по квартире туда-сюда, напевая бессловесную мелодию, такую, какой, по её представлению, должна быть колыбельная.

Когда пришла Юля с беспечным «Как вы тут?», Матвей уже спал в кроватке.

– Спит? – удивилась она. – Обычно в это время он ещё играет... – и тут же, довольная и счастливая, показала Яне новый маникюр с гель-лаком.

Яна равнодушно взглянула на её аккуратные, кофейного цвета, ногти с блёстками.

– А ещё я в магазин забежала, – торопилась рассказать Юля, доставая из пакета розовую с золотисто-чёрными пуговицами блузку, – и случайно увидела вот эту кофточку. Не смогла пройти мимо. Чудненькая, правда?

«Нормально, – проворчала про себя Яна. – У неё тут ребёнок изорался весь, а она кофточки покупает!»

Потом Юля принялась рассказывать сказки о том, как они с отцом рады, что Яна решила пожить у них. Яна в сказки не верила, но маленькая надежда всё же запульсировала где-то в сердце: не подождать ли папиного возвращения? Вдруг вчера она зря погорячилась? Тем более, идти особо-то и некуда.

Отец вернулся в половине седьмого. В строгом костюме, с портфелем, как раньше возвращался домой. С лёгкой усталостью на плечах. С розой для Юли. Яна вспомнила, что маме он цветы никогда не приносил, и что-то неожиданно-обидное шевельнулось в душе. Первым делом он подхватил на руки Матвея, чмокнул в щёку Юлю. Яна наблюдала за ними, прислонившись к косяку в зале.

«Никогда я уже не буду для него на первом месте», – с трудом провернулась в голове и царапнула мысль.

Отец подошел к ней, приобнял, окутав знакомым праздничным запахом. Однако теперь этот запах показался Яне фальшивым.

– Как дела?

Яна сложила губы в кривое «нормально». Не верила она больше в его искренность. И поэтому, когда он отправился в ванную, а Юля на кухню – собирать ужин, закинула на плечо джинсовый рюкзачок и выскользнула за дверь.

«Вот и пусть остаётся со своим Матвеем и своей Юлей! – яростно пенилось в голове. – Больше ему не придётся отрываться от семьи и тратить на меня время! Не нужны мне его подачки – два часа в месяц!»

К остановке Яна вышла быстро. Села в первое, что подкатилось, – скрипучий троллейбус доисторических времен. Нужно было скорее уезжать, вдруг отец решит догнать её. Сидя на зачерстевшем от времени троллейбусном сиденье и бороздя взглядом многоэтажки за пыльным окном, не без злорадства представляла Яна напрасные попытки отца дозвониться ей.

Пусть пыгается. Ничего не выйдет. Уже скоро сутки, как её смартфон выключен.

Чувство собственной правоты трубило торжественный марш до самой конечной остановки. А потом вдруг стихло. Куда ей теперь? Эх, как хотелось бы оказаться в своей комнате, и чтобы ничего вчерашнего не было. Но вчерашнее было, и вернуться домой, так быстро сдавшись, она не могла. Оставался один вариант: к подруге.

Подруга Карина была полной противоположностью Яне: темноволосая, кареглазая и... свободная от материнских предрассудков. Мама у Карины работала на заводе радиотехники, кем, Яна толком не знала, но ей всегда казалось, что эта работа не для неё. Гораздо больше Карининой маме пошло бы сниматься в кино. Всегда пышущая энергией, как какой-нибудь генератор, способный привести в движение всех вокруг себя, она постоянно тащила Карину с Яной то в аквапарк, то в кино, то на выставку. С лёгкостью позволяла дочери прогуливать внеурочку, а иногда даже и учебные дни, и покупать вещи, которые той нравились. Признаться честно, Яна завидовала подруге. Вот только отца у Карины не было совсем, и тут уже Карина завидовала ей, хотя, как только что выяснилось, напрасно.

К домофону с первого раза никто не подошёл. Девочка поозиралась в растерянности и позвонила снова.

– Кто? – недовольно вырвалось из динамика. Яна узнала подругу по интонации.

– Карин, это я.

– Янка? – недовольство сменилось удивлением. – Заходи!

Яне нравилось бывать у подруги, нравилась сама атмосфера в квартире, наполненная гармонией и лёгкостью. Казалось, в воздухе порхают невидимые бабочки. Но в этот раз с порога повеяло неуютом и табачным дымом.

– Яночка? Уже поздно. Что-то случилось? – выглянула из кухни тётя Оксана, стараясь улыбаться и говорить как обычно, но Яна заметила, что она пьяна.

– Пойдём, – подруга потянула Яну в комнату, не дав ничего ответить.

– У вас гости?

Карина ехидно усмехнулась:

– У нас гость!

– Какой гость?

– Ну какой-какой! – рассердилась Карина на подругу за её непонятливость и за то, что нужно объяснять ей такие неприятные вещи. – Мамин друг!

Смысл слов «мамин друг» до Яны дошёл не сразу. Он проникал в её сознание постепенно, и оно отказывалось верить: мама Карины, такая замечательная мама, у которой в квартире порхали невидимые бабочки, оказывается, могла быть совсем другой и приводить домой любовников?

– Раньше Серёжа у неё был, а до Серёжи – Лёша, – добавила Карина, сердясь уже не на Яну, а на мать. – Но те хоть нормальные были. А этот... Роман... придурок какой-то. Наглый, противный. И где она его только откопала?

– И что, этот друг, он у вас прямо ночует? – спросила осторожно Яна.

– Да задолбал уже! Каждый день!

– Так может, они поженятся?

– Если они поженятся, я уйду из дома!

– А я уже, – призналась Яна. – Ушла.

– Что, правда? – озадачилась подруга. – Из-за чего?

Яна рассказала то же самое, что и отцу, однако уже без вчерашнего усердия. По сравнению с тем, что происходило у Карины, своя проблема показалась ей какой-то детской, несерьёзной.

Они сидели на кровати, прислонившись спинами к стене. С потолка подавлено свисали сумерки, время от времени доносился с кухни неестественный смех тёти Оксаны.

– Мне некуда идти. Хотела у вас переночевать, но, наверное, нельзя?

– Почему нельзя? Она же может приводить домой, кого ей вздумается. Значит, и я могу.

Переночевать у подруги было не суждено. Спустя некоторое время запиликал домофон, и Яна сразу почувствовала, что по её душу. Оказалось, отец позвонил маме, мама – тёте Оксане. Беглянка была найдена без особых усилий.

В такси мама молчала, но Яна была уверена, что дома ей всё равно не избежать изрядной порции нравоучений, и готовилась к этому, придумывая воображаемый диалог. Он представлялся ей похожим на поединок шпажистов, один из которых заметно слабее другого. Мамин выпад – её защита. Мамин выпад – её защита. И только от выпада «Что же ты сбежала от своего замечательного папочки?» защититься было нечем.

Однако мама молчала и дома. Яна притаилась в зарослях сакуры, произраставшей на обоях в её комнате, и напряжённо ждала, когда же всё начнётся. На письменном столе замерла лужица света от настольной лампы.

Наконец послышались шаги за порогом её «убежища».

Яна внутренне собралась. Она ожидала услышать всё, что угодно, только не то, что услышала.

– Иди поешь, – сказала мама. В голосе её сквозил холодок.

У Яны, настроенной отражать удары, упрямо вырвалось:

– Не хочу.

– Ну если захочешь – знаешь, где кухня. Ты не в тюрьме, и я не собираюсь водить тебя туда-сюда, как надзиратель. Ты дома.

Яне стало так горячо, как будто в лицо ей плеснули ковш кипятка: это же её слова! Это же она вчера говорила отцу, что живёт, как в тюрьме! Он что, всё ей рассказал?

– И если тебе так уж нужны эти синие волосы, – мама шагнула к столу и положила в лужицу света деньги, – вот, купи себе тоник. Ни к чему тебе быть серой мышью, хватит в нашей семье одной, – и ушла. Дверь печально скрипнула у неё за спиной, обозначая окончание разговора.

Это была победа. Однако никакой радости Яна не испытала, наоборот, она не

помнила, чтобы ей когда-нибудь было так стыдно. Горело всё: лицо, ладони, спина, – и внутри горело так, что хотелось заплакать.

Она не понимала, что с ней произошло за эти сутки, но синие волосы ей уже совсем не хотелось, а хотелось, чтобы всё стало как раньше, до ссоры. Только... возможно ли теперь «как раньше»?

Вспомнилось, как в детстве она решила пошутить и насыпала маме в чай соли. А мама обиделась и закрыла ладонями лицо, притворившись, что плачет. Яна бросилась к ней, обхватила за ноги:

– Мамочка, прости! Я больше не буду! – и тут же была прощена и расцелована.

Каким лёгким тогда было слово «прости»! А сейчас тяжёлое, почти неподъёмное. И даже если она принесёт и положит его к маминым ногам, будет ли этого достаточно?

И вдруг Яну осенило! На первом этаже их дома есть круглосуточный цветочный магазин! Она взяла со стола мамины деньги, вытряхнула к ним из кошелька свои сбережения.

– Я щас! – крикнула из прихожей.

«Ну и пусть он своей Юле розы приносит! – размазывала по щекам слезинки, поднимаясь по лестнице обратно с бело-розовым букетом хризантем. – Проживём как-нибудь и сами!»

А над цветами порхали невидимые бабочки.